

А.П. РОМАНОВА, Д.А. ЧЕРНИЧКИН*

ПРОБЛЕМЫ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Аннотация. В современном мире религиозная идентичность продолжает оставаться одним из важнейших маркеров места человека в социуме. Однако она уже не является только обязательной предписанной идентичностью, а активно трансgressирует под влиянием многочисленных проблем современного мира. Под трансgressией религиозной идентичности авторы статьи понимают ее трансформацию как в сторону изменения уровня религиозности, так и смены конфессиональной принадлежности. Такая трансgressия связана с целым рядом социальных факторов – глобализацией, постоянными миграционными процессами, ценностными изменениями, активными духовными поисками. С появлением виртуального пространства и виртуальной идентичности возникает еще один вектор трансgressии – в сторону виртуализации религиозности. Основной целью данной статьи является выявление и систематизация мейнстримных проблем, связанных с влиянием виртуального религиозного пространства на трансgressию религиозной идентичности в реальном мире и формирование нового типа – виртуальной религиозной идентичности. Основным методом является комплексный анализ. В статье показано, что проблемы с виртуальной религиозной идентичностью на-

* **Романова Анна Петровна**, доктор философских наук, профессор, директор Института исследований проблем Юга России и Прикаспия, Астраханский государственный университет (Астрахань, Россия), e-mail: aromanova_mail@mail.ru; **Черничкин Дмитрий Алексеевич**, аспирант, младший научный сотрудник лаборатории по исследованию социально-политической и культурной динамики региона Нижнего Поволжья и Прикаспия, Астраханский государственный университет (Астрахань, Россия), e-mail: chernichkin95@mail.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-10064) «Трансформация механизмов формирования посттрансgressионной модели религиозной идентичности в современном информационном пространстве».

чинаются на категориальном уровне, поскольку являются отражением многообразия векторов трансгрессивных процессов. В современном социуме трансгрессия религиозной идентичности становится частым и вариативным явлением, поскольку за свою жизнь современный человек может несколько раз сменить как конфессиональную принадлежность, так и характер религиозности. Но только виртуальное пространство предполагает неограниченные возможности – от сотворения новых религиозных виртуальных объединений до появления множества новых фантазийных религиозных идентичностей. Главной проблемой дальнейшего развития виртуальной идентичности станет трансформация уровня сакральности, которая приведет либо к дальнейшей секуляризации виртуального религиозного пространства, либо к поискам новых форм виртуальной сакральности.

Ключевые слова: религиозная идентичность; научный дискурс; религиозная трансгрессия; виртуальная идентичность; виртуальное религиозное пространство; виртуальная религиозная идентичность.

Для цитирования: Романова А.П., Черничкин Д.А. Проблемы виртуальной религиозной идентичности // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 59–73. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.03>

Процессы глобализации и интенсивной миграции в современном обществе приводят все к большим проблемам с идентификацией. Возникает огромное количество модифицированных, гибридных и новых идентичностей, которые требуют специальных идентитарных исследований [Идентичность: личность, общество, политика, 2017]. Не избежала сей участи и религиозная идентичность. Глобализация, как прогнозировалось в фантастических романах или идеологических утопиях XX в., не привела к стиранию или унификации религиозной веры и религиозной идентичности, а обострила уже имеющиеся проблемы и создала новые. Зарубежный научный дискурс в области исследования религиозной идентичности в последние десятилетия был направлен, преимущественно, на анализ узкоспециальных проблем, характерных как для конкретных религиозных сообществ – миграционные потоки, гибридная идентичность, специфика религиозной идентичности [García-Muñoz, Neuman, 2012; Bloom, Arikan, Courtemanche, 2015; Kettell, 2016], так и для их виртуальных воплощений – виртуальная идентичность и возможность репрезентации религиозных сообществ в виртуальном пространстве [Cheruvallil, Shakkour, 2015; Sadowski, Lomanowska, 2018]. Российский научный дискурс был часто привязан к общетеоретическим проблемам, связанным с состоянием религиозной и конфессиональной идентичности в Рос-

сии [Шахбанова, Нурилова, 2017; Юрасов, Павлова, 2020; Проница, 2015]. Во всем многообразии проблем религиозной идентичности особое место начинают занимать вопросы, связанные с самоидентификацией в виртуальном пространстве. Нарастающие трансгрессивные процессы способствуют тому, что часть из них реализуется именно там.

Данная статья посвящена выявлению и систематизации мейнстримных проблем, связанных с влиянием виртуального религиозного пространства на трансгрессию религиозной идентичности в реальном мире и формирование нового типа идентичности – виртуальной религиозной идентичности.

От предписанной религиозной идентичности к виртуальной

Религиозная идентичность всегда играла одну из основополагающих ролей в личной и групповой идентификации. Практически с самого рождения человек обретал ее вместе с этнической идентичностью, она являлась так называемой «предписанной идентичностью» [Religious identity in the workplace ..., 2019], неизменной частью его «персональных данных». В последнее время, когда религиозная идентичность перестает быть предписанной и практически неизменной до конца жизни и начинает активно трансформироваться, вокруг нее возникает и научный дискурс, анализирующий такие трансформации. Но это влечет за собой и некоторую терминологическую неопределенность. Наряду с общепотребимым понятием «религиозная идентичность» в отечественной науке активно используется понятие «конфессиональная идентичность» либо как его составная часть [Мчедлова, 2017], либо как синоним [Намруева, 2012], поскольку все чаще в гуманитарном дискурсе религия и конфессия используются как замещающие понятия. Но даже употребление одного и того же термина еще не говорит о его смысловом единообразии. Хотя основу большинства дефиниций в отечественном дискурсе составляет фактор отождествления индивида с определенным религиозным учением или сообществом, акценты делаются то на процесс [Крылов, 2014], то на результат [Мчедлова, 2016], то на состояние [Гощенко, 2008]. В западном научном дискурсе термин «religious identity» обозначает не только отождествление с какой-либо рели-

гиозной группой [Arweck, Nesbitt, 2010], но и фактор *формирования себя* под влиянием тех или иных религиозных аспектов [Religious identity, 2010]. Таким образом, термин «религиозная идентичность» подчеркивает момент общности с определенной группой или учением, а «religious identity», наоборот, – ощущение собственной уникальности, непохожести на других [Бичарова, 2020]. Это еще раз указывает на многозначность понятия, которое допускает вариативность свободного самоотождествления с определенным религиозным сообществом. Появление виртуального пространства расширяет эти возможности. Оно формирует так называемую виртуальную идентичность¹, под которой понимается часть социокультурной идентичности, обретаемой только в виртуальном пространстве [Ковалева, 2019], формирующейся в процессе осознания своей принадлежности к определенной, не всегда фиксируемой в реальном социуме виртуальной общности [Астафьева, 2007], обрести которую может любой пользователь.

Религиозные сообщества, становясь частью виртуального пространства, обеспечивают религиозную информационную поддержку пользователей, укрепляют осознание принадлежности к сообществу людей, разделяющих одинаковые религиозные взгляды как в виртуальном, так и в реальном мире. Все это помогает участникам того или иного религиозного сообщества выстраивать свою новую идентичность, которую можно назвать «виртуальной религиозной идентичностью». Несмотря на то что существует достаточное количество исследований репрезентации религии в Интернете, работ, посвященных непосредственно виртуальной религиозной идентичности, очень мало. Возможно, это связано с тем, что чаще всего под религиозным виртуальным пространством понимается «религия-онлайн» [Helland, 2002], где Интернет используется преимущественно как инструмент менеджмента и связи с паствой. Но уже существование обозначенной К. Хелландом «онлайн-религии» позволяет нам говорить о формировании новой виртуальной религиозной идентичности. Под виртуальной религиозной идентичностью авторы статьи понимают самоотождествле-

¹ Мы считаем этот термин наиболее широким, хотя в научном дискурсе используются и его эквиваленты: «киберидентичность», «сетевая идентичность», «идентичность в виртуальном пространстве», «мобильная идентичность», «электронная идентичность».

ние индивида как с определенным религиозным сообществом в Сети, так и с системой совокупных идей, ценностей, норм и ритуалов с последующей их репрезентацией в виртуальном пространстве и с возможностью их экстраполяции в реальное пространство. Виртуальная религиозная идентичность – изменчивый, синтетический продукт или результат, отражающий личностные мотивы и религиозные ценности конкретного пользователя, представляющего себя в виде различных комбинаторных конфигураций (аватаров). Она может не иметь четкой фиксации, так как аватар (образ человека в Сети) направлен на создание эффекта подобия и вполне может рассматриваться как образ, в некоторых случаях лишенный сходства с реальностью. Появление виртуальной религиозной идентичности является показателем растущей трансгрессивности современного общества.

Проблемы религиозной трансгрессии и виртуальная идентичность

Если в доиндустриальном обществе смена религиозной идентичности была возможна, чаще всего, либо насильственным путем, в результате военных завоеваний, либо вынужденно, как спасение от гонений, то в современном полисемантическом и динамичном мире религиозный ландшафт той или иной страны постоянно корректируется, а с ним и статус религиозной идентичности. Продолжая оставаться частью социальной идентичности [Schmidt, Miles, 2017], она перестала рассматриваться как ее основа, хотя до сих пор является одним из узнаваемых маркеров чужести и поводом для крупных социальных конфликтов [Многоликий другой ..., 2018].

Современный мир превращается в поле постоянной религиозной трансгрессии¹. Это связано как с объективными обстоятельствами (глобализация, миграционные процессы, развитие сети Интернет), так и с субъективными (трансформация ценностей, личная мобильность, уменьшение давления социальной иерархии и т.д.), а

¹ Термин «трансгрессия» введен в гуманитарный научный дискурс пост-модернистами и понимается достаточно широко, как выход за пределы, нарушение границ и барьеров

также с постоянным расширением вариантов религиозной идентичности.

Религиозная трансгрессия влияет на идентичность по-разному: усложняется религиозный ландшафт, а миграционные процессы, превращая общины мигрантов в религиозные меньшинства, меняют статус их религиозной идентичности [Duderija, 2007]. Чаще и проще совершаются религиозные переходы, причем не только из одной религии в другую, но и к разной степени ее принятия и даже отрицания.

Условно можно выделить две траектории трансгрессии, одна связана с уровнем религиозности – от атеизма до фундаментализма, другая – со сменой конкретной конфессии. Обе траектории приводят к выходу за свои пределы и, соответственно, трансформации религиозной идентичности. В данном случае мы говорим только об индивидуальной религиозной идентичности, поскольку групповая идентичность трансгрессирует несколько иначе. Такая нестабильность и потенциальная латентная возможность трансгрессии становятся обоюдоострым фактором. С одной стороны, это декларируемые и реализуемые «демократические», не скованные сословной или социальной иерархией возможности реализации своих латентных склонностей вне зависимости от предписанной идентичности, с другой – это возможность быстрой трансформации религиозной идентичности в сторону фундаментализма и экстремизма. Такая трансгрессия усиливается в период кризисов, связанных, в том числе, и с миграционными процессами. Волны инорелигиозных мигрантов с более активной религиозной позицией приводят к трансгрессии доминирующей религиозной идентичности, причем векторы трансгрессии могут быть направлены как в сторону фундаментализма, так и к размыванию идентичности, тем более что уровень секулярности принимающих стран с доминирующей христианской идентичностью специалисты оценивают очень высоко [Day, 2011]. Британский правовед Р. МакКри отмечает, что миграция сделает Европу еще более секулярной, поскольку увеличение количества мигрантов с их фундаменталистской религиозностью заставит лидеров ЕС еще больше загнать религию в рамки частной сферы¹.

¹ *McCrea R. How to hobble religion // Aeon. – 2013. – Mode of access: <https://aeon.co/essays/is-migration-making-europe-more-secular> (accessed: 27.06.2020).*

Однако существует еще одно, как прогнозируют авторы нашумевшего сериала «Черное зеркало» (Чарли Брукер 2011–2019), направление трансгрессии – уход в виртуальное пространство. Расширение и упрочение виртуальной реальности приводит к появлению виртуальной идентичности и соответственно, еще с конца прошлого века, научного дискурса, осмысливающего как саму виртуальную реальность, так и феномен виртуальной идентичности [Turkle, 1995; Balsamo, 1995; Vechar-Israeli, 1995]. Причины появления виртуальной идентичности исследователи видят в неудовлетворенности индивида реальной идентичностью, что является следствием усугубляющегося кризиса идентификации, когда индивид утрачивает некую целостность, внутренний стержень, и его идентичность предстает пазлом случайных элементов. В качестве важного фактора формирования виртуальной идентичности рассматриваются особые свойства виртуальной среды: ее нематериальность, относительная анонимность, быстрота распространения информации, ее «протейность», когда «виртуальная среда может подстраиваться под нужды пользователя и меняться в зависимости от решаемых задач» [Дремлюга, Крипакова, 2019], «открытость, усложненность и поиск альтернатив дальнейшего развития» [Летов, 2013], что дает увеличение возможностей для самопознания и выбора ролей и смены идентичности.

Виртуальная идентичность формируется, с одной стороны, когда пользователь начинает отождествлять себя с определенным реальным виртуальным сообществом, с другой стороны – фэнтезийным. Этот процесс начинается со входа в цифровую платформу. Каждая игровая платформа имеет свой вид цифрового тела со своими физическими характеристиками. Здесь можно создать персонажа реализации своей виртуальной идентичности: эльфа, человека, орка, демона преисподней, существа из других галактик и т.п. Можно моделировать свою внешность и физические данные. Такие широкие возможности гарантируют, что каждый сможет реализовать свои самые смелые фантазии, осуществить свою «мечту». Важно отметить, что виртуальная идентичность не является стабильной. Трансгрессии подвержена как она сама, так и возможность ее смены.

Разработка и поддержание виртуальной личности является ключевой задачей каждого игрока многопользовательской ролевой онлайн-игры (MMORPG). Благодаря определенным действиям,

аватар может получить больше возможностей и привилегий: силу, инструменты для манипуляций, навыки. Аватар может приобрести новые грани идентичности, присоединившись к различным группам. Репутация и идентичность в этих группах имеют большое значение для внутренних взаимоотношений и положения аватара в данной группе [Korkeila, Namari, 2020].

Таким образом, процесс формирования идентичности в виртуальном пространстве предполагает больше возможностей как телесных, так и личностных. Концепция «telepresence» объясняет это «...степенью, в которой человек чувствует себя присутствующим скорее в опосредованной виртуальной среде, чем в непосредственной физической реальности» [Wood, Smith, 2005]. «Телеприсутствие» зависит как от степени интерактивности в виртуальном пространстве, так и от того, насколько «реальной» является воспринимаемая игроком среда. Этот процесс позволяет пользователю развить ту часть своей идентичности, которую он не мог успешно репрезентировать в реальном мире.

Однако виртуальная идентичность зачастую является отражением реальной (личностной, коллективной) идентичности, усиливая ее в сфере виртуальной коммуникации. Поэтому в большинстве случаев она не может рассматриваться как самостоятельная сущность, как субъект поведения или деятельности, как альтернатива реальной (персональной) идентичности. Тем не менее некоторые исследования показывают, что в определенных случаях в виртуальном пространстве может создаваться оригинальная виртуальная идентичность, не тождественная реальной [Chuan, Li, Jiao, 2014]. Это связано, прежде всего, со сферой компьютерных игр, практикующих включение фэнтезийных, в том числе и религиозных, сообществ, где может формироваться, собственно, новая виртуальная религиозная идентичность. Таких игр достаточно много – от простых шуттеров (например, Waco Resurrection, где игровое поле представляет собой реконструкцию трагедии, произошедшей с последователями секты «Ветвь Давидова» в 1993 г.) до сложных параллельных миров, которые ориентируются как на общение между пользователями (Second Life, VRChat), так и на игровую составляющую (Far Cry 5, Outlast 2, Dead Space). В большинстве случаев религиозные миры являются только частью виртуального мира игры как в Second Life. Однако есть и те игры, где религиозная реальность является основной. Все эти игры зачастую

формируют у пользователя новую виртуальную религиозную идентичность. Виртуальная идентичность операционально рассматривается как «расширение повседневной жизни и инструмент культурных изменений» [Zajmi-Rugova, 2015]. Соответственно виртуальная религиозная идентичность становится полем расширения возможностей и в религиозной сфере.

Постоянную трансгрессивность виртуальной религиозной идентичности и сложность ее фиксации можно объяснить перманентной сменой мейнстримных мировоззренческих трендов в виртуальном пространстве, оказывающих наибольшее влияние на молодое поколение, являющееся активным пользователем Глобальной сети и основным потребителем продуктов массовой культуры.

Итак, изменения, происходящие с религиозной идентичностью в современном обществе, становятся достаточно обычным явлением. Причем смена идентичности может происходить не единожды, человек начинает искать себя в религии как в профессии или хобби. Современное состояние религиозной идентичности определяется, среди многих других факторов, двумя процессами. С одной стороны, это предоставляемая современным обществом возможность в течение жизни многовекторной трансгрессии как в сторону изменения уровня религиозности, так и в области смены конфессии. Это обусловлено во многом глобализацией, активными миграционными процессами.

С другой стороны, формирование все более устойчивого и обширного многослойного виртуального пространства, в том числе со значительным религиозным сегментом, расширяет возможности трансгрессии уже в сторону выхода за рамки реальности, не только присоединяясь к чисто виртуальным религиозным сообществам (онлайн-религии), но и создавая новые, с новыми виртуальными религиозными идентичностями.

Одновременно стремительное совершенствование виртуального пространства дает произвести выбор без «реального выбора», примерить платье «на манекен», т.е. безболезненно осуществить множество трансгрессий, «играя» в христианина, мусульманина, буддиста и т.д. В связи с появлением виртуального пространства, создающего параллельные ландшафты и возможности, характер реального религиозного ландшафта уже перестает быть единственным определяющим фактором в формировании религиозной

идентичности, несмотря на то что виртуальная религиозная идентичность еще не стала чем-то обыденным.

Каковы же дальнейшие перспективы ее развития? С одной стороны, ее вариативность, универсальность, гибкость открывают широкие возможности для дальнейшего совершенствования. Создавая любое, даже фэнтезийное религиозное объединение в Сети, моделируя религиозную идентичность его последователей, мы можем реализовать свои стремления и потребности. С другой стороны, возникает вопрос, сохраняется ли в виртуальной религиозной идентичности фактор сакральности, являющийся основополагающим для любой религиозной идентичности и обязательным маркером наличия религиозности. Является ли виртуальная религиозная идентичность только муляжом, игрушкой, временным атрибутом, или в перспективе появится новая форма восприятия сакрального – виртуальная. На данном этапе говорить об этом пока достаточно сложно. Сам феномен виртуальной религиозной идентичности – пока больше интенция, чем полностью реализованный проект. Однако если институционализация религии и формализация основных функций религиозного института свела фактор сакральности к минимуму и дала простор секуляризации, то появление виртуальной религиозной идентичности – это продолжение данного процесса или альтернативная возможность ее восстановления? Но это уже тема дальнейшего исследования.

Список литературы

- Астафьева О.Н.* Виртуальные сообщества: «сетевая» идентичность и развитие личности в сетевых пространствах // Вісник Харківського національного університету: Теорія культури та філософія науки. – 2007. – № 776. – С. 120–133.
- Бичарова М.М.* Репрезентация концептов «религиозная идентичность» и «religious identity» в российской и западной лингвокультурах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13, вып. 4. – С. 147–155. – DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.30>
- Дремлюга Р.И., Крипакова А.В.* Преступления в виртуальной реальности: миф или реальность? // Актуальные проблемы Российского права. – 2019. – № 3 (100). – С. 161–169. – DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.100.3.161-169>
- Идентичность: личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. – Москва: Весь Мир, 2017. – 992 с.

- Ковалева А.И.* Разновидности социальной идентичности: подходы к классификации // Знание. Понимание. Умение. – 2019. – № 4. – С. 89–103. – DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2019.4.7>
- Крылов А.Н.* Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самознание в постиндустриальном пространстве. – 3-е изд., доп. и перераб. – М.: ИКАР, 2014. – 356 с.
- Летов Е.В.* Сетевая идентичность в культуре современного информационного общества // Вестник МГУКИ. – 2013. – № 4 (54). – С. 62–65.
- Многоликий другой. Инвариантность образов Другого / Чужого: Коллективная монография / А.П. Романова, С.Н. Якущенко, Е.В. Хлыщева, Н.С. Канатьева, О.С. Якущенко, М.С. Топчиев, Р.Т. Алиев, О.В. Джененко, Э.А. Саракеева, Л.Г. Золотых, Е.В. Морозова. – Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2018. – 334 с.
- Мчедлова М.М.* Религиозная и конфессиональная идентичность // Идентичность: личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. – Москва: Весь Мир, 2017. – С. 334–339.
- Мчедлова М.М.* Социокультурные смыслы политики: новая логика интерпретации и религиозные референции // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 1. – С. 157–170. – DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.11>
- Намуева Л.В.* Конфессиональная идентичность монголоязычных народов // Социологические исследования. – 2012. – № 2 (334). – С. 124–128.
- Пронина Т.С.* Вера и конфессиональная самоидентификация в структуре религиозной идентичности современных россиян // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2015. – № 5 (145). – С. 62–74.
- Тоценко Ж.Т.* Религиозная идентичность и бюрократия // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / отв. ред. М.П. Мчедлов. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 62–85.
- Шахбанова М.М., Нурилова А.З.* Конфессиональная идентичность дагестанских народов в структуре социальной идентичности // Успехи современной науки и образования. – 2017. – Т. 7, № 2. – С. 113–117.
- Юрасов И.А., Павлова О.А.* Дискурсивное исследование православной религиозной идентичности. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 195 с.
- Arweck E., Nesbitt E.* Young people's identity formation in mixed-faith families: continuity or discontinuity of religious traditions? // Journal of Contemporary Religion. – 2010. – Vol. 25, N 1. – P. 67–87. – DOI: <https://doi.org/10.1080/13537900903416820>
- Balsamo A.* Signal to noise: on the meaning of cyberpunk subculture // Communication in the age of virtual reality / F. Biocca, M. Levy (eds). – N.Y.: Routledge, 1995. – P. 347–368.
- Bechar-Israeli H.* From <Bonehead> to <LoNehEad> : nicknames, play, and identity on internet relay chat // Journal of computer-mediated communication. – 1995. – Vol. 2, N 1. – DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.1995.tb00325.x>
- Bloom P., Arikan G., Courtemanche M.* Religious social identity, religious belief, and anti-immigration sentiment // American political science review. – 2015. – Vol. 109, N 2. – P. 203–221. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s0003055415000143>

- Cheruvallil C., Shakkour S.* Digital methodologies in the sociology of religion. – London: Bloomsbury Publishing, 2015. – 256 p.
- Chuan H., Li Z., Jiao H.* Exploring online identity re-costruction in social networks communities: a qualitative study // PACIS 2014 Proceedings. – 2014. – N 36. – Mode of access: <https://pdfs.semanticscholar.org/c709/678c5349b4a3bd92a796def9943082fc0c35.pdf> (accessed: 24.07.2020)
- Day A.* Believing in belonging: belief and social identity in the modern world. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – 230 p.
- Duderija A.* Literature review: Identity construction in the context of being a minority immigrant religion: the case of Westernborn Muslims // Immigrants & Minorities. – 2007. – Vol. 25, N 2. – P. 141–162. – DOI: <https://doi.org/10.1080/02619280802018132>
- García-Muñoz T., Neuman S.* Is religiosity of immigrants a bridge or a buffer in the process of integration? A comparative study of Europe and the United States. – Bonn: IZA, 2012. – DP N 6384. – 42 p.
- Helland C.* Surfing for salvation // Religion. – 2002. – Vol. 32, N 4. – P. 293–303. – DOI: <https://doi.org/10.1006/reli.2002.0406>
- Religious identity // Encyclopedia of identity / R.L. Jackson II, M.A. Hogg (eds). – Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2010. – DOI: <https://doi.org/10.4135/9781412979306.n203>
- Kettell S.* Always read the label: the identity and strategy of Britain's 'Christian right' // Politics, religion & ideology. – 2016. – Vol. 17, N 1. – P. 1–17. – DOI: <https://doi.org/10.1080/21567689.2016.1157073>
- Korkeila H., Hamari J.* Avatar capital: the relationships between player orientation and their avatar's social, symbolic, economic and cultural capital // Computers in Human Behavior. – 2020. – Vol. 102. – P. 14–21. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.07.036>
- Religious identity in the workplace: a systematic review, research agenda, and practical implications / Y. Héliot, I.H. Gleibs, A. Coyle, D.M. Rousseau, C. Rojon // Human resource management. – 2019. – Vol. 59, N 2. – P. 1–21. – DOI: <https://doi.org/10.1002/hrm.21983>
- Sadowski A.S., Lomanowska A.M.* Virtual intimacy: propensity for physical contact between avatars in an online virtual environment // Computers in human behavior. – 2018. – N 78. – P. 1–9. – DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.09.011>
- Schmidt W., Miles M.R.* Religious identity and descriptive representation // Politics and religion. – 2017. – Vol. 10, N 1. – P. 186–221. – DOI: <https://doi.org/10.1017/s1755048316000468>
- Turkle Sh.* Life on the screen: identity in the age of the internet. – N.Y.: Simon and Schuster, 1995. – 347 p.
- Wood A.F., Smith M.J.* Online communication: linking technology, identity, and culture. – London: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2005. – 265 p.
- Zajmi-Rugova I.* Online identity // Thesis. – 2015. – Vol. 4, N 2. – P. 331–341.

A.P. Romanova, D.A. Chernichkin*
Problems of virtual religious identity¹

Abstract. In the modern world, religious identity continues to be one of the most important markers of a person's place in society. However, it is no longer just a mandatory prescribed identity, but actively transgresses under the influence of numerous problems of the modern world. By transgression of religious identity, the authors of the article understand its transformation, both in the direction of changing the level of religiosity as the confessional affiliation. This transgression is associated with a number of social factors – globalization, constant migration processes, value changes, and active spiritual search. With the advent of virtual space and virtual identity, there is another vector of transgression – towards the virtualization of religiosity. The main purpose of this article is to identify and systematize the main problems, related to the influence of virtual religious space on the transgression of religious identity in the real world and the formation of a new type – virtual religious identity. The main method is complex analysis. The article shows that problems with virtual religious identity begin at the categorical level, since they reflect the diversity of vectors of transgressive processes. In modern society, the transgression of religious identity is becoming a frequent phenomenon and variable, since a modern person can change both their religious affiliation and the nature of their religiosity several times during their life. But only virtual space offers unlimited possibilities—from the creation of new religious virtual associations to the appearance of many new fantasy religious identities. The main problem of further development of virtual identity will be the transformation of the level of sacredness, which will either lead to further secularization of the virtual religious space – or to the search for new forms of virtual sacredness.

Keywords: religious identity; scientific discourse; religious transgression; virtual identity; virtual religious space; virtual religious identity.

For citation: Romanova A.P., Chernichkin D.A. Problems of virtual religious identity. *Political science (RU)*. 2020, № 4, P. 59–73. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2020.04.03>

References

Arweck E., Nesbitt E. Young people's identity formation in mixed-faith families: continuity or discontinuity of religious traditions? *Journal of Contemporary Religion*. 2010, Vol. 25, N 1, P. 67–87. DOI: <https://doi.org/10.1080/13537900903416820>

* **Romanova Anna**, Astrakhan State University (Astrakhan, Russia), e-mail: aromanova_mail@mail.ru; **Chernichkin Dmitriy**, Astrakhan State University (Astrakhan, Russia), e-mail: chernichkin95@mail.ru

¹ The study was carried out by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 18-78-10064) “Transformation of mechanisms of formation of post-transgress model of religious identity in the modern information space”.

- Astafeva O.N. Virtual communities: network identity and personality development in network spaces. *Bulletin of Kharkiv National University: Theory of Culture and Philosophy of Science*. 2007, N 776, P. 120–133. (In Ukrainian)
- Balsamo A. Signal to noise: on the meaning of cyberpunk subculture. In: Biocca F., Levy M. (eds.). *Communication in the age of virtual reality*. N.Y.: Routledge, 1995. P. 347–368.
- Bechar-Israëli H. From ⟨Bonehead⟩ to ⟨cLoNehEad⟩ : nicknames, play, and identity on internet relay chat. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 1995, Vol. 2, N 1. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.1995.tb00325.x>
- Bicharova M.M. Representation of the Concept religious identity in the Russian and Western Linguo-Cultures. *Philology. Theory & Practice*. 2020, Vol. 13, N 4, P. 147–155. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.4.30> (In Russ.)
- Bloom P., Arikan G., Courtemanche M. Religious social identity, religious belief, and anti-immigration sentiment. *American Political Science Review*. 2015, Vol. 109, N 2, P. 203–221. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0003055415000143>
- Cheruvallil C., Shakkour S. *Digital methodologies in the sociology of religion*. London: Bloomsbury Publishing, 2015, 256 p.
- Chuan H., Li Z., Jiao H. Exploring online identity re-construction in social networks communities: a qualitative study. *PACIS 2014 Proceedings*, 2014, N 36. Mode of access: <https://pdfs.semanticscholar.org/c709/678c5349b4a3bd92a796def9943082fc0c35.pdf> (accessed: 24.07.2020)
- Day A. *Believing in belonging: belief and social identity in the modern world*. Oxford: Oxford University Press, 2011, 230 p.
- Dremlyuga R.I., Kripakova A.V. Virtual reality crime: myth or reality? *Actual problems of Russian law*. 2019, N 3 (100), P. 161–169. DOI: <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2019.100.3.161-169> (In Russ.)
- Duderija A. Literature review: identity construction in the context of being a minority immigrant religion: the case of Westernborn Muslims. *Immigrants & Minorities*. 2007, Vol. 25, N 2, P. 141–162. DOI: <https://doi.org/10.1080/02619280802018132>
- García-Muñoz T., Neuman S. *Is religiosity of immigrants a bridge or a buffer in the process of integration? A comparative study of Europe and the United States*. Bonn: IZA, 2012, DP N 6384, 42 p.
- Helland C. Surfing for salvation. *Religion*. 200, Vol. 32, N 4, P. 293–303. DOI: <https://doi.org/10.1006/reli.2002.0406>
- Héliot Y. et al. Religious identity in the workplace: A systematic review, research agenda, and practical implications. *Human Resource Management*. 2019, Vol. 59, N 2, P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.1002/hrm.21983>
- Religious identity. In: Jackson II R.L., Hogg M.A. (eds). *Encyclopedia of identity, Thousand Oaks, CA: SAGE Publications*, 2010. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781412979306.n203>
- Kettell S. Always read the label: The identity and strategy of Britain's 'Christian right'. *Politics, Religion & Ideology*. 2016, Vol. 17, N 1, P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1080/21567689.2016.1157073>
- Korkeila H., Hamari J. Avatar capital: The relationships between player orientation and their avatar's social, symbolic, economic and cultural capital. *Computers in Human Behavior*. 2020, Vol. 102, P. 14–21. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.07.036>

- Kovaleva A.I. Kinds of social identity: approaches to classification. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2019, N 4, P. 89–103. DOI: <https://doi.org/10.17805/zpu.2019.4.7> (In Russ.)
- Krylov A.N. *Religious identity. Individual and collective self-awareness in the post-industrial space*. 3 rd ed. Moscow: IKAR, 2014, 356 p. (In Russ.)
- Letov E.V. Network identity in the culture of the modern information society. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2013, N 4 (54), P. 62–65. (In Russ.)
- Mchedlova M.M. Religious and confessional identity. In: Semenenko I.S. (ed.). *Identity: personality, society, politics. Encyclopedic edition*. Moscow: “Ves mir”, 2017, P. 334–339. (In Russ.)
- Mchedlova M.M. Sociocultural meanings of politics: new logic of interpretation and religious references. *Polis. Political Studies*. 2016, N 1, P. 157–170. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.11> (In Russ.)
- Namrueva L.V. Confessional identity of Mongolian-speaking peoples. *Sotsiologicheskoe Issledovaniya*. 2012, N 2 (334), P. 124–128. (In Russ.)
- Pronina T.S. Faith and confessional self-identification in the structure of religious identity of modern Russians. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2015, N 5 (145), P. 62–74. (In Russ.)
- Romanova A.P. et al. *Many-sided other. Invariance of other / alien images. Collective monograph*. Astrakhan: Sorokin Roman Vasil'evich, 2018, 334 p. (In Russ.)
- Sadowski A.S., Lomanowska A.M. Virtual intimacy: propensity for physical contact between avatars in an online virtual environment. *Computers in human behavior*. 2018, N 78, P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.09.011>
- Semenenko I.S. (ed.). *Identity: personality, society, politics. Encyclopedic edition*. Moscow: Ves mir, 2017, 992 p. (In Russ.)
- Shahbanova M.M., Nurilova A.Z. Confessional identity of the Dagestani peoples in the structure of social identity. *Success of Modern Science and Education*. 2017, Vol. 7, N 2, P. 113–117. (In Russ.)
- Schmidt W., Miles M.R. Religious identity and descriptive representation. *Politics and Religion*. 2017, Vol. 10, N 1. P. 186–221. DOI: <https://doi.org/10.1017/s1755048316000468>
- Toshchenko Zh.T. Religious identity and bureaucracy. In: Mchedlova M.P. (ed.). *Religion in the self-awareness of the people (religious factor in identification processes)*. Moscow: Institute of Sociology RAS, 2008, P. 62–85. (In Russ.)
- Turkle Sh. *Life on the screen: identity in the age of the internet*. N.Y.: Simon and Schuster, 1995, 347 p.
- Wood A.F., Smith M.J. *Online communication: linking technology, identity, and culture*. London: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2005, 265 p.
- Yurasov I.A., Pavlova O.A. *A discursive study of Orthodox religious identity*. Moscow: INFRA-M, 2020, 195 c. (In Russ.)
- Zajmi-Rugova I. Online identity. *Thesis*. 2015, Vol. 4, N 2, P. 331–341.